

Дарья Лебедева

ДЕВЯТЬ НЕДЕЛЬ ДО МАЯ

Фотографии Полины Сергеевой

Дарья Лебедева

**Девять недель до мая.
Фотографии Полины Сергеевой**

«Издательские решения»

Лебедева Д.

Девять недель до мая. Фотографии Полины Сергеевой /
Д. Лебедева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837563-7

Стихи, написанные в 2006—2016 годах, расположены не в хронологическом порядке. По словам критика Владимира Коркунова, «говорят, жизнь — это жонглирование пятью шарами; и у Дарьи пять циклов — своеобразных ступеней или фазовых превращений. Герои Дарьи — по большей части — неслучившиеся. Она намеренно выбирает их — ибо что может быть убедительнее, чем персонифицированное страдание, через которое мы познаём себя и — забываем о личном одиночестве».

ISBN 978-5-44-837563-7

© Лебедева Д.
© Издательские решения

Содержание

О книге	6
Мгновенье – длись	7
Девять недель до мая	9
«Однажды мне снились трамваи...»	9
I. Рассказать навсегда	10
«Когда мы умрём и кто-то из нас...»	10
«хочу правды так сильно...»	12
«Он ей мал, этот мир, он для неё как резиновый мячик...»	14
«Уже уходя, она почти незаметно...»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Девять недель до мая Фотографии Полины Сергеевой

Дарья Лебедева

Фотограф Полина Сергеева

Литературный редактор Ольга Воронина

© Дарья Лебедева, 2017

© Полина Сергеева, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-7563-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

Когда я собирала стихи для книги, мне захотелось, чтобы они были проиллюстрированы человеком, близким мне по духу и художественному восприятию, да и просто близким. Я попросила Полину подобрать фотографии. Она прислала огромный архив кадров, которые ассоциировались с моими текстами. Из них я выбрала самые пронзительные и точные (но не всегда напрямую подходящие к конкретным строкам).

Нашей дружбе уже двадцать лет, и все эти годы мы поддерживали друг друга, разговаривали о самых сокровенных и сложных вещах, оставались рядом, даже если реальные встречи были не так часты, как хотелось. Полина работает экологом, но постоянно фотографирует, в основном, в поездках. Она привозит не только красивые виды (её природные и городские пейзажи невероятно живые и светлые), но и глубокие, философские жанровые сцены. Мне кажется, её фотографии не просто иллюстрируют, а продолжают поэзию. Как и в моих текстах, в её карточках свет и оптимизм соседствуют с горечью и тьмой, и жизнь предстаёт объёмной, многогранной.

Дарья Лебедева

Мгновенье – длись

Доводилось ли вам, сидя с книгой в руках, сопереживать и даже оплакивать людей, которых нет (по крайней мере, в реальности)? А то и того пуще – вовсе не-людей? Кому приписать такой дар – транслирующему поэту или эмпатирующему читателю, – вопрос другой. Полагаю, оба хороши! Итак, *«Пристегните ремни – / мы входим в зону турбулентности»*.

Ну, ещё бы! Прощай, Алиса: теперь в страну чудес пристало попадать не через кроличий лаз, а через трамвайное депо. (И метро есть: тоже сгодится – подземка, почти классика). Что правда, трамваи и раньше блуждали в бездне времён, но здесь иначе: без лютни и томной тревоги, зато – в деталях.

Дарья Лебедева, безусловно, смысловик, мастер досказанности и подробностей. Она – проговаривает, иногда снова и снова; кладёт мазки весомо и убедительно: всё по делу. *«...нужны прочные и живые, как дерево, / слова, чтобы выжить в мире / однотипных многоэтажек, / недолговечной мебели, / ноутбуков, устаревающих / каждый год, / необходимо что-то, / к чему можно привязаться надолго, / о чём можно рассказать навсегда»*. Но в какой-то момент все эти прочные смыслы вдруг обретают вертикальный выход – и законную прописку в пространстве иных миров. Я даже не скажу «тонких»: её иные миры немедленно обзаводятся такой же уверенной плотностью, как и реальность, бывшая точкой отсчёта. Впрочем, в котором из миров начинается каждая из историй – тоже вопрос, однозначного ответа не имеющий: здешнее поэтическое пространство удивительно подвижно. То ли сон, то ли явь; то ли сердце, то ли автобус; то ли смерть как доказательство бессмер-

тия, то ли жизнь — как печальное объявление о неслучившемся... Да-да: *«каждому верится в волшебство // но после свадьбы / принцесса превращается в лягушку / а принц в чудовище»*. И пропадите вы пропадом, пять сложных мясных блюд вместе с дюжиной салатов! Мы циничнее сказок и фей — но гарантийный листок на чудеса почему-то не избавляет от боли. Что там написано на пузырьке: отравы или любовь? — Не «или», а «равно!» — Так пить или не пить?..

Ведь если любовь — отравы, то и нелюбовь не жизнь. *«Эти ровные тени-строки от жалюзи — / словно газетная заметка о нас с тобой. / Некролог, скорее всего. / Или — не знаю, как называется, — / печальное объявление о тех, / кто так и не смог родиться»*. О чём это: о бренности бытия или о так и не родившейся любви, о не сбывшихся «нас»? Развитие темы — в «четвёртой главе», в части «Заколдованный лес»: *«...и нет такого ключа, который освободит меня / только любовь / но любовь тоже / тоже — запрещена»*.

Зато изначально неживое («предметное») в этом мире сразу обрастает убедительной плотью, характером и биографией: *«бомба живёт как бабочка-однодневка / куколкой падает из живота самолёта / быстрый короткий полёт огонь агония / крылья пестрянки яростно пламенеют...»* Падает, чтобы умереть — и убить. Убить Магдалину, бессмертную — но всё же бренную. Как и люди. *«...когда всё кончается надо похоронить / убитых потерянных сломанных одиноких / и с ними — девушку кисти Помпео Батони / что с тысяча семьсот сорок второго / раскаивалась в грехах и читала книгу / погибла в Дрездене / в сорок пятом году»*.

Так же безоговорочно материальное переплетается с эфемерным — и сны втаптываются в асфальт... и пустырям снятся асфальтовые сны... и самолёты неизменно серьёзны и респектабельны (в отличие от игрушечных вертолётчиков) — летают высоко... а вот маленькие птички — они нет, они другие; и нет у них *«другой высоты, кроме этой: / с ветки на ветку, снова и снова, / пока не найдёшь свою, // чтобы, может, на старости лет, / теряя последние перья, / спеть свою лучшую песню, / стать, наконец, собой»*.

Не отравленные иголки, а волшебные крючки оставляет Дарья Лебедева в каждом своём стихотворении — и одно стихотворение тянет за собой другое, иногда прямо-таки перебиваясь через край: продолжаясь — символически, и внутренне рифмуясь образами: *«...да отравы, малыш. не пей. *** глоток выходных и немного другого города...»* Или буквальными повторами настаивая на неизбежном: *«...присядь в незнакомом дворе, где выросел и жил / как холодно этой осенью, как же холодно / и как же давно это было, как же давно *** Оказаться на том углу, где когда-то жила, / потихоньку росла, и взросло моё сердечко...»*

И только трамваи никогда не меняются — эти звенящие посредники между мирами и временами. И метро уносит *«в город без края»* — и переполняется призраками, незабвенными тенями, привязанными к своим людям. Или это люди так привязаны к своим теням? Хотя какая разница, если люди и тени равны; если Ганс и Гриша пишут свои письма назло цензуре смерти — а Грета и Маруся этих писем ждут; если два самых красивых яблока лежат перед любимым портретом... *«Священный ибис опять съел лягушку, звено в пищевой цепочке»*, — и это совершенно нормально! Главное, чтобы было кому идти рядом, крепко держа тебя за тонкую ниточку; не отводить взгляда от заколдованного леса любимых глаз; оставаться рядом до самого конца, и помнить потом — без боли...

«...Мы так мимолётны. / И мы смеёмся...»

Ольга Воронина

Девять недель до мая

«Однажды мне снились трамваи...»

Однажды мне снились трамваи
с гармошкой открытых дверей
в надушенном воздухе мая,
в асфальтовом сне пустырей.

В своих электрических тайнах,
вцепившись рогами в туман,
ловили прохожих случайных
в звенящий железный капкан.

Слепые ночные листочки
на ветках склонялись пониже,
смотрели, как мы – многоточки —
смеялись легко и бесстыже,

запрыгивая в трамваи,
которые снились мне
за девять недель до мая,
пустые ночные трамваи, —
как реквием по весне.

I. Рассказать навсегда

«Когда мы умрём и кто-то из нас...»

Когда мы умрём и кто-то из нас
окажется классиком этого века,
где же поместят табличку:
«Здесь жил великий писатель»
или «Здесь работал великий поэт»?

В сером спальном районе
на потрескавшейся стене
бетонной блочной многоэтажки
на седьмом или даже
семнадцатом этаже.

Музей придётся загнать
в однокомнатную квартирку,
входная дверь которой
упирается в дверь соседей.

Никакого резного стола
из красного дерева,
или изысканного бюро,
или массивного старого кресла —
ИКЕА да советский торшер,
вот и вся недолга.

А вместо печатной машинки,
вместо кипы черновиков
знаменитым почерком —
потрёпанный ноутбук
давно устаревшей модели:
он помнит усталых рук тепло,

усталых пальцев движение
того, кто, вернувшись в девять
с офисного безликого полигона,
ощутил вдруг
нечто вроде отчаяния,
отчётливо понял —
необходимо что-то ещё:
нужны прочные и живые, как дерево,
слова, чтобы выжить в мире
однотипных многоэтажек,
недолговечной мебели,

ноутбуков, устаревающих
каждый год,

необходимо что-то,
к чему можно привязаться надолго,
о чём можно рассказать навсегда.

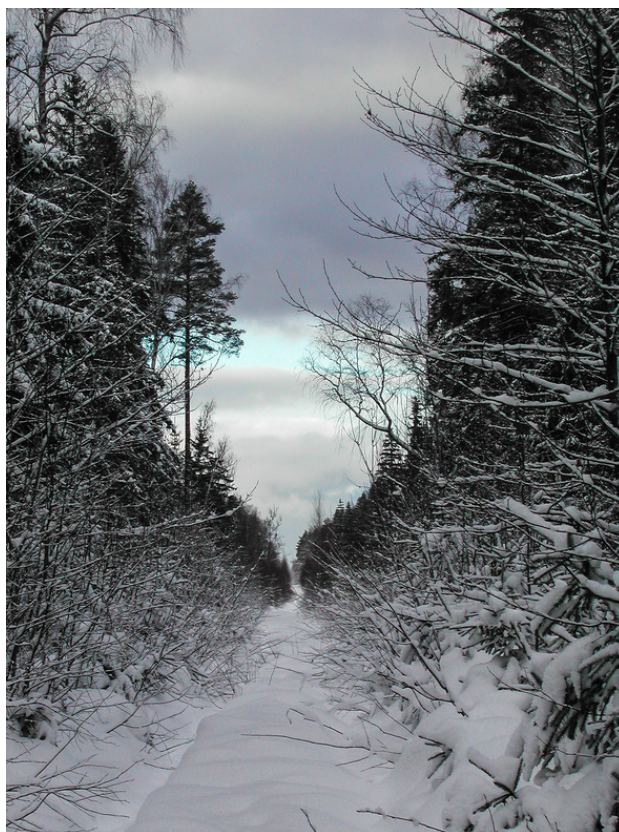
«хочу правды так сильно...»

хочу правды так сильно
как хочется иногда в холода
до зубной боли до озноба
чёрного шоколада

тоскую по откровенности кожей
как зимой по тёплому ветру
обнимающему голые плечи
тоскую до страшной усталости
неподъёмной опутывающей
по рукам и ногам

пытаюсь выйти на разговор
а в разговоре нащупать течение
холодный бьющий из-под земли
источник честности
говорят ледяная вода подземных ключей
так опасна коварна и беспощадна
что можно утонуть

но лучше утонуть захлебнуться правдой
чем и дальше барахтаться
в этой тёплой гнилой водице
цветущей и жизнерадостной
лживой лживой насквозь
и оттого безопасной

«Он ей мал, этот мир, он для неё как резиновый мячик...»

Он ей мал, этот мир, он для неё как резиновый мячик.
Она приходит с прогулки и оставляет его в коридоре.
Она раздвигает границы мира, словно на окнах шторы,
Скучает, мается и даже не знает о том, что бывает иначе,

Что где-то есть люди, на которых мир сидит, как костюм
с иголочки.

Им не жмет и не давит, немного счастья, щепотка горя.
Они берут этот мир спокойно и просто, как книгу с полочки.
Живут в нём, как в просторном уютном доме с видом на море.

Есть и другие – им мир велик, горизонт далек и недостижим.
Их сносит порывом ветра, словно маленькую песчинку.
Они летят куда-то, зажмурившись, и каждый из них пилигрим,
Одинокий странник, в пустыне мира протаптывающий тропинку.

Но ей-то тесно, голова выше неба, мысли чернее леса,
На самом глубоком дне океана таятся сны и желания.
Ей хочется, будто капли с волос, стряхнуть времени вес,
Сбежать из дома, в котором мается, задерживая дыхание,
Перестать угрюмо молчать, запирается в комнате, втаптывать
Сны в асфальт. Мир ей кажется призрачным, боль – бездонной.

Она вырвется просто и скоро, подберёт по размеру платице,
Мяч останется в детстве, тесный мир – в родительском доме,
в черте лет – девятнадцати.

«Уже уходя, она почти незаметно...»

Уже уходя, она почти незаметно
втыкает в меня две маленькие иголки.
Только щекотная горечь на языке
их выдаёт.

Как только за ней закроется дверь,
у меня будет выбор —
оставить иголки в теле
и страдать от боли
или быстро выдернуть их,
промыть зудящие ранки.

И хотя во рту ещё долго будет горчить,
всё-таки я смогу жить и улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.